ЕВГЕНИЙ ЧЁРНЫЙ

АНАТОМИЯ ВОРОНЬЕГО КЛУБА

В некоторых университетах хранят не знания, а тайны

ДЕТЕКТИВНАЯ ДАРК-АКАДЕМИЯ

18+

18+

Евгений Чёрный

Анатомия Вороньего Клуба

«Автор»
2026

Чёрный Е.

Анатомия Вороньего Клуба / Е. Чёрный — «Автор», 2026

За чугунными воротами Блэквудского университета действуют два правила: хранить тайны основателей и не подниматься в закрытое северное крыло библиотеки после полуночи.Девятнадцатилетняя Вивьен Клэр, дочь провинциального судебного медика и студентка кафедры архивной криминалистики, презирает столичную знать. Ее интересуют факты, баллистика и средневековые трактаты. Но в первую октябрьскую ночь в соборе находят мертвым профессора античной филологии с черным вороньим пером в руках и латинской фразой на груди.Подозреваемый — Адриан Блэквуд, президент элитарного «Вороньего Клуба», фехтовальщик и наследник основателей замка. Перо — метка древнего культа, погубившего его сестру.Вивьен и Адриан, несмотря на вражду, начинают расследование. Они распутывают сеть ритуальных убийств в архивах, где каждый шаг опасен, а взаимное притяжение стирает барьеры. В мире, где все носят маски, спасение — довериться врагу.

© Чёрный Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перо в холодной руке 5
Глава 2. Наследник черных башен 12
Глава 3. Протокол осмотра собора 18
Глава 4. Подозрение под осенним дождем 23
Глава 5. Ночной архив спецхрана 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Евгений Чёрный
Анатомия Вороньего Клуба

Глава 1. Перо в холодной руке

Октябрьский дождь в Блэквуде никогда не падал вертикально. Он сек наискось, подгоняемый солеными шквалами с Северного моря, хлестал по стрельчатым окнам старого собора и превращал вековой гранит мостовых в зеркальное черное зеркало. Воздух пах мокрым плющом, остывающей золой каминов и тем специфическим, чуть сладковатым ароматом старинной бумаги, который всегда стоял в университетских коридорах перед началом первой лекционной недели.

Вивьен Клэр застегнула верхнюю пуговицу своего строгого шерстяного пальто, глубже надвинув на лоб черный берет. Ее тяжелые ботинки на толстой подошве оставляли мокрые следы на каменных ступенях западного портала. На часах университетской колокольни было ровно четыре утра. В такое время по уставу Блэквуда все студенты обязаны были находиться в своих спальнях, а нарушение комендантского часа каралось снятием стипендии.

Но Вивьен пришла сюда не за романтическими прогулками под дождем.

В ее кармане лежал складной латунный штангенциркуль, лупа с десятикратным увеличением и блокнот в клеенчатой обложке, личный арсенал дочери провинциального патологоанатома. Два часа назад дежурный сторож колледжа, старый пьяница Барнаби, прибежал к ее отцу в прибрежный морг с побелевшим лицом: в центральном нефе собора лежало тело профессора античной филологии Дориана Моро. Полиция графства задерживалась из-за размытых штормом мостов, и отец велел ей зафиксировать первичную картину места происшествия до того, как ректорат успеет скрыть следы скандала.

Дубовая дверь собора была приоткрыта на ширину ладони. Вивьен бесшумно проскользнула внутрь, задержав дыхание.

Внутри царил холодный, гулкий полумрак, рассекаемый лишь тусклыми отблесками шести погребальных свечей, зажженных у подножия мраморного алтаря. Запах ладана здесь причудливо смешивался с резким, металлическим запахом свежей крови и миндальным душком редкого органического яда.

Тело профессора Моро лежало навзничь на белых мраморных плитах прямо под мозаичным изображением Святого Себастьяна.

Пожилой ученый был одет в парадную профессорскую мантию из черного шелка с алым подбоем. Его седые волосы промокли от крови, вытекавшей из глубокой раны на затылке, но поза погибшего не выглядела следом панической борьбы. Руки профессора были аккуратно сложены на груди, поверх застегнутого жилета.

А в его правой руке, плотно сжатой окоченевшими пальцами, чернело длинное маховое перо ворона.

Вивьен опустилась на колени рядом с телом, не касаясь коленями холодного камня. Она включила карманный электрический фонарик с желтым фильтром, направляя луч на лицо покойного. Глаза профессора были широко распахнуты, зрачки максимально расширены, на губах застыла пена с розоватым оттенком.

«Смерть наступила не от удара по голове», прошептала она, делая пометку в блокноте. «Удар нанесен уже посмертно, чтобы сымитировать падение со стремянки. Первичная причина: цианид или алкалоид аконита. Время остановки сердца: между половиной второго и двумя часами ночи».

Она осторожно наклонилась ближе к груди убитого.

На белой манишке профессора, прямо над сердцем, темнели выведенные черной тушью латинские слова: «Nox avium non dormit». Ночь птиц не спит.

«И вы уже успели составить обвинительное заключение, мисс Клэр?», раздался сзади низкий, холодный мужской голос, от звука которого по спине Вивьен пробежал ледяной мороз.

Она резко обернулась, фонарик в ее руке метнулся в сторону галереи исповедален.

Из тени массивной каменной колонны неторопливо вышел высокий молодой человек в длинном черном кашемировом пальто с поднятым воротником. Его мокрые пепельно-темные волосы были небрежно зачесаны назад, открывая аристократически бледный лоб и резкие, хищные скулы. В левой руке он держал трость с серебряным набалдашником в форме вороньего клюва, а его серые, цвета грозового сланца глаза смотрели на нее с насмешливым, почти гипнотическим спокойствием.

Адриан Блэквуд.

Студент четвертого курса юридического факультета, президент тайного студенческого братства «Вороний Клуб» и прямой наследник лорда Блэквуда, чье имя носил этот университет. Человек, перед которым трепетали даже преподаватели кафедр.

«Капитан Блэквуд», холодно произнесла Вивьен, поднимаясь с колен и не опуская луча фонарика от его лица. «Вы нарушаете периметр следственных действий. Согласно университетскому кодексу, до прибытия инспектора Скотланд-Ярда никто не имеет права входить в собор».

Адриан сделал еще один шаг вперед, и свет фонаря очертил тонкую ироничную усмешку на его губах:

«Этот собор построен моими предками четыреста лет назад, мисс Клэр. В этих стенах нет ни единого дюйма, который был бы для меня запретной зоной. Чего нельзя сказать о вас, первокурснице с факультета архивных записей, проникшей сюда через взломанный засов ризницы».

«Засов открыл сторож по распоряжению коронера», парировала она, заставляя свой голос звучать абсолютно твердо. «А вот что вы делаете у тела человека, с которым, по слухам, громко ругались вчера вечером на заседании Ученого Совета?»

Взгляд Адриана мгновенно заледенел, потеряв всякую насмешливость. В полумраке храма воздух между ними словно сгустился до плотности грозовой тучи.

«Слухи в Блэквуде стоят дешевле прошлогодней листвы, Вивьен», тихо произнес он, впервые назвав ее по имени. «Но если вы действительно хотите найти того, кто вложил это перо в руку профессора Моро, вам стоит спрятать ваш блокнот и внимательно выслушать то, о чем никогда не напишут в полицейских протоколах».

Вивьен провела кончиками пальцев по холодной поверхности порфировой плиты. Ее отец: уездный судебный медик с сорокалетним стажем, всегда повторял золотое правило криминалистического анализа: первое впечатление почти всегда обманчиво, но физические следы никогда не лгут тем, кто умеет терпеливо их расшифровывать.

Она достала из кармана плоский блокнот в плотной коленкоровой обложке и зафиксировала первые объективные параметры: температура воздуха в нефе собора составляла не более восьми градусов по шкале Цельсия, влажность превышала девяносто процентов из-за непрекращающегося дождя за витражами, а естественное освещение полностью отсутствовало.

«Мышечное окоченение уже сформировалось в области жевательных мышц и шейного отдела», отметила Вивьен в своем журнале. «Пятна посмертного оседания крови в нижних отделах спины имеют яркий карминно-фиолетовый оттенок. Это типичный признак блокады клеточного дыхания на уровне митохондрий, характерный для сильнодействующих цианидов или алкалоидов кураreподобного типа».

Она склонилась еще ближе к лицу профессора Моро, аккуратно приподняв веко погибшего стеклянной палочкой. Зрачок был максимально расширен, роговица сохраняла зеркаль-

ную прозрачность. Это подтверждало ее предварительный вывод: смерть наступила стремительно, в течение нескольких минут после попадания токсина в организм.

Собор Святой Анны в этот предрассветный час казался ожившим готическим исполином, чьи каменные ребра уходили в бесконечную тьму под потолком. Вековой гранит стен хранил воспоминания о десятках поколений студентов, профессоров и коронованных особ, присягавших на верность истине под этими стрельчатыми сводами.

В воздухе висела влажная взвесь: капли дождя, пробивавшиеся сквозь микрощели старинных свинцовых переплетов витражей, тихо ударялись о дубовые спинки молитвенных скамей. Каждая деталь интерьера собора была пронизана духом строгой академической традиции.

Над алтарем возвышалась резная деревянная фигура Святой Анны, покровительницы ученых книжников. В ее протянутых руках лежала раскрытая каменная книга с высеченным на латыни изречением: «Познание требует жертв, но истина освобождает чистых сердцем».

Вивьен невольно поежилась. Сегодня эта древняя максима звучала пугающе буквально. Профессор Моро посвятил изучению закрытых архивов собора более тридцати лет своей жизни, и именно здесь, у подножия символа мудрости, его жизненный путь оборвался.

Вивьен помнила свои первые дни в Блэквуде. Поступление на кафедру судебной криминалистики для девушки без дворянского титула и протекции столичных сановников казалось несбыточной мечтой. Ей пришлось сдать шесть сложнейших вступительных экзаменов, набрать максимальные баллы по высшей математике, химии и латыни, чтобы заслужить единственную бюджетную стипендию имени основателя.

Она знала цену знаниям и презирала пустое аристократическое чванство, царившее среди отпрысков богатых семейств. Для нее университет был храмом чистой науки, где социальные различия должны были уступать место силе интеллекта.

Но гибель профессора Моро вскрыла темную изнанку университетской жизни. За внешним благополучием старинных факультетов скрывались тайные интриги попечительского совета, многомиллионные махинации и опасные культы, использовавшие старинные ритуалы как ширму для банальной жажды наживы.

Вивьен глубоко вздохнула, собирая волю в кулак. Она не позволит замять это дело. Память человека, давшего ей доступ к фондам библиотеки, заслуживала честного расследования, чего бы это ни стоило.

Вивьен аккуратно разложила на каменной ступени алтаря инструменты из своего переносного саквояжа: латунный штангенциркуль, набор стеклянных капилляров для забора микропроб, пинцет из никелированной стали и три фарфоровые капельные пластинки. Каждый предмет лежал на строго отведенном месте, как учил ее отец в прозекторской уездного госпиталя.

«Помни, Вивьен», часто повторял доктор Клэр, протирая очки в роговой оправе, «живые могут лгать из страха, корысти или заблуждения, но мертвое тело всегда хранит истинную летопись своих последних минут. Твоя задача: не придумывать теории, а дать фактам говорить собственным языком».

Она поднесла стеклянную палочку к капле темной жидкости, выступившей в уголке губ профессора Моро. При контакте с раствором нитрата серебра прозрачная капля мгновенно дала плотный белый творожистый осадок, не растворяющийся в азотной кислоте.

«Хлориды в высокой концентрации», пробормотала Вивьен, занося наблюдение в блокнот. «Но характерная опалесценция указывает на присутствие белкового токсина растительного происхождения. Это не синтетический яд, а вытяжка из свежего растительного сырья, обработанного не более суток назад».

Она зарисовала в журнале форму пятен посмертного гипостаза, отметив четкие границы и отсутствие кровоподтеков в области гортани. Никаких следов механической асфиксии

не наблюдалось: смерть наступила исключительно вследствие внутреннего токсического паралича.

Собор Блэквуда хранил в себе эхо восьми столетий непрерывной академической жизни. Под его каменными плитами покоились тридцать два магистра, двенадцать епископов и бессчетное множество безвестных монахов-переписчиков, чьи труды заложили основу величайшей библиотеки королевства.

Высокие стрельчатые арки из нормандского известняка поднимались на высоту девятиэтажного дома, смыкаясь в сложнейший узор крестовых сводов. На замковых камнях арок были высечены геральдические знаки семи вольных искусств: грамматика со свитком, риторика с горящим факелом, диалектика с весами, арифметика со счетами, геометрия с циркулем, музыка с лирой и астрономия со звездной астролябией.

Профессор Моро лежал точно под замковым камнем Диалектики: науки о поиске истины через сопоставление противоположных суждений.

Вивьен подняла взгляд к темным высотам свода, где в неверном свете фонаря угадывались очертания каменных химер и горгулий, охранявших покой древнего святилища. Казалось, эти каменные чудовища с насмешливым сочувствием взирали на хрупкую фигуру девушки, осмелившейся бросить вызов вековой паутине университетских тайн.

Она знала: если попечительский совет сумеет признать смерть Моро естественной, собор будет освящен заново, а все вещественные доказательства смоют мыльной водой и известью уже к полуденной мессе.

Отец Вивьен: доктор Томас Клэр, прослужил судебным медиком в приморском округе тридцать пять лет. В его рабочей комнате в провинциальном городке Блэкрок стоял тяжелый дубовый секционный стол, обитый цинковыми листами, а на полках в строгом алфавитном порядке выстроились сотни банок с препаратами, законсервированными в формалине. Доктор Клэр учил дочь главному правилу исследователя: природа не знает злобы, она подчиняется строгим математическим и биохимическим закономерностям.

«Когда ты входишь на место преступления, Вивьен», говорил он, протирая замшей стекла бинокулярной лупы, «забудь о своих страхах, предрассудках и сочувствии. В эти минуты ты: не судья, не обвинитель и не свидетель. Ты: беспристрастное зеркало, в котором отражается объективная истина материального мира. Каждая капля крови, каждая микрочастица пыли на подошве, каждый след копоти на свече: это буквы великого алфавита правосудия».

Вивьен вспомнила эти наставления, глядя на застывшее лицо профессора Моро. Она знала, что в Блэквудском университете царят суровые феодальные порядки: попечительский совет обладал практически неограниченной властью, а городская полиция не имела права переступать порог университетских владений без письменного разрешения ректора.

Если бы не ее присутствие у алтаря в этот рассветный час, смерть ученого была бы списана на внезапный апоплексический удар, а тело предали бы земле уже к вечеру в закрытом фамильном склепе. Но теперь, когда протокол первичного осмотра был составлен по всем правилам криминалистической науки, преступникам придется считаться с материальными уликами.

Собор Святой Анны строился более двух столетий: с конца двенадцатого до середины четырнадцатого века. Его гигантские контрфорсы и аркбутаны, словно каменные крылья мифических птиц, упирались в прибрежные базальтовые скалы, удерживая колоссальный вес неоготических сводов.

Сквозь узкие стрельчатые бойницы верхнего трифория в неф проникали порывы холодного соленого ветра. За витражами не умолкал шум Северного моря: тяжелые свинцовые валы накатывали на гранитный мол с монотонным, гипнотическим грохотом.

В соборе пахло сырым известняком, старинным лампадным елеем и пчелиным воском. Но этот привычный церковный аромат не мог заглушить характерный химический след алкалоида, от которого погибли клетки мозга профессора.

Вивьен аккуратно собрала шпателем микрочастицы воска с края алтарной ступени. Под увеличительным стеклом было отчетливо видно: воск содержал микроскопические вкрапления очищенной стеариновой кислоты и красителя на основе кошенили. Такой состав использовался исключительно для изготовления парадных свечей в личных покоях высших сановников университета.

Она бережно поместила образец в стеклянную пробирку и опечатала ее сургучом со своим личным инициалом: «V.C.».

Утренний свет над собором Святой Анны пробивался сквозь плотную свинцовую дымку штормовых облаков. В нефе царила та особенная, звенящая акустика, при которой малейший шорох шелковой подкладки или скрип половицы разносился под нервюрами сводов подобно раскату грома.

Вивьен достала из чехла свой полевой микроскоп: компактный латунный прибор с револьверной головкой на три объектива, изготовленный венскими оптиками по специальному заказу ее отца. Она установила прибор на деревянном аналое и зажгла маленькую масляную горелку с вогнутым зеркалом.

«Обратите внимание на волокна мантии профессора Моро в месте соприкосновения с пером», обратилась она к подошедшему помощнику смотрителя. «Здесь нет следов механического трения или разрыва ткани. Перо было вложено в руку уже после наступления мышечной фиксации пальцев. Убийца разгибал окоченевшие фаланги силой: на подушечке большого пальца остался характерный кровоподтек от грубого давления металла».

Помощник смотрителя: пожилой послушник с испуганными водянистыми глазами, торопливо перекрестился: «Господи помилуй... Значит, убийца оставался в соборе часами после того, как профессор испустил дух?»

«Как минимум три часа», подтвердила Вивьен, делая пометку в журнале. «Он ждал, пока токсин полностью парализует нервную систему жертвы, чтобы инсценировать ритуальную смерть без риска встретить сопротивление. Это признак ледяного, маниакального расчета».

Архитектура Блэквудского собора была полна скрытых символов, понятных лишь посвященным знатокам средневековой схоластики. Вивьен медленно обошла вокруг алтарного помоста, изучая резьбу на цоколях колонн.

На восточной грани центрального пилона был высечен барельеф: ворон, клюющий ветвь терновника, и латинская анаграмма: «Sola veritas non perit»: «Только истина не гибнет».

Она провела пальцами по глубоким бороздам резьбы. Под слоем вековой копоти металлическая линейка нащупала микроскопическую щель.

«Потайной тайник для причастных реликвий», прошептала она себе под нос. Но замок тайника был взломан: медные штифты были аккуратно высверлены тонким ювелирным сверлом.

Убийца не просто совершил расправу у алтаря: он забрал из потайного хранилища реликвию основателей. И этой реликвией, судя по описям ризницы четырнадцатого века, являлась серебряная печатка первого ректора университета Гуго де Блэквуда, дававшая право безапелляционного вето на любые решения попечительского совета.

Вивьен проверила состояние зрачков профессора с помощью карманного офтальмоскопа. Равномерное, максимальное расширение обоих зрачков без признаков анизокории свидетельствовало о параличе парасимпатических ядер глазодвигательного нерва.

«Это действие чистого контиина», записала она в протокол. «Алкалоид избирательно блокирует н-холинорецепторы двигательных концевых пластинок, вызывая восходящий вялый

паралич, завершающийся остановкой дыхания при полном сохранении сознания в первые минуты».

Мысль о том, что почтенный старец умирал в полном сознании, видя своего убийцу и не имея возможности позвать на помощь из-за паралича голосовых связок, сжимала ее сердце острой болью.

«Убийца был хладнокровным чудовищем», прошептала она, накрывая лицо погибшего чистым шелковым платком. «Но он оставил слишком много физических следов, чтобы уйти от возмездия».

Смотритель собора нервно теребил связку ключей на поясе, боясь встретиться взглядом с молодой исследовательницей.

«Мисс Клэр, я клянусь всеми святыми, я запер все боковые двери в десять часов вечера, как предписано уставом!» оправдывался он дрожащим голосом. «Только северная калитка ризницы оставалась приоткрытой для ночного дежурного священника».

«И кто был дежурным священником в эту ночь?» спросила Вивьен, не поднимая глаз от листа фиксации показаний.

«Отец Августин, капеллан попечительского совета», опустил глаза смотритель. «Он ушел около трех часов ночи, сказав, что в соборе все спокойно».

Вивьен сделала пометку на полях: капеллан Стерлинга обеспечил беспрепятственный проход убийцы к алтарю.

Осенний рассвет медленно заливал стрельчатые окна собора Святой Анны холодным жемчужным светом. Тени ночи неохотно отступали в глубокие ниши боковых капелл, обнажая строгую красоту готических нервюр и полированного камня.

Вивьен стояла перед алтарем, чувствуя, как холод древнего храма проникает сквозь подошвы тонких кожаных ботинок. Но ее мысли были далеки от физического дискомфорта. Перед ее мысленным взором выстраивалась сложнейшая шахматная партия, в которой человеческая жизнь была принесена в жертву корыстным амбициям.

«Каждый шаг преступника оставляет след в пространстве», прошептала она, глядя на полосы света на мраморном полу. «И пока законы физики незыблемы, ни одна тайна не останется скрытой навсегда».

Она аккуратно сложила инструменты в саквояж, проверив надежность защелок на пробирках с реактивами. Впереди был тяжелый день допросов, интриг и противостояния с влиятельными попечителями. Но страха не было: в ее душе горел чистый огонь призвания, унаследованный от отца и закаленный годами упорной учебы.

Собор Святой Анны представлял собой уникальный образец синтеза ранней готики и нормандской фортификационной архитектуры. Мощные пилястры из тесаного гранита несли на себе тяжесть двенадцатиметровых нервюрных сводов, декорированных терракотовыми замковыми камнями с изображениями четырех канонических евангелистов.

Вивьен медленно шла вдоль северного придела, внимательно рассматривая следы капель воска на деревянных скамьях. Каждый сантиметр этого пространства хранил следы недавней трагедии.

«Обратите внимание на распределение воздушных потоков», сказала она дежурному приставу. «Тяга из вентиляционных отверстий крипты направлена снизу вверх, к витражной розе. Это значит, что летучие пары яда уносились в верхние ярусы собора, не причинив вреда самому убийце, если он стоял с подветренной стороны алтаря».

Пристав торопливо записывал каждое ее слово: «Поразительно, мисс Клэр. Ни один дознаватель магистрата не обратил бы внимания на розу ветров внутри здания!»

«Физика атмосферы: такой же инструмент криминалиста, как скальпель и микроскоп», спокойно ответила она. «В природе все взаимосвязано».

Она вернулась к телу профессора Моро, чтобы завершить составление топографической карты места происшествия. На миллиметровой бумаге планшета возникла точная масштабная схема расположения улик: угол падения пера, дистанция до потира со святой водой, координаты обнаруженных микрочастиц сукна.

Этот документ должен был стать краеугольным камнем обвинения. Никакие адвокаты Стерлинга не смогут найти изъяна в столь безупречно выверенной доказательной базе.

Вивьен глубоко вздохнула, ощущая колоссальную ответственность за исход начатого дела. Она знала: сегодня решается судьба всего университета.

Тишина университетского собора ранним утром обладала почти осязаемой плотностью. Сквозь стрельчатые окна верхнего яруса пробивался рассеянный белесый свет, в котором медленно кружились микроскопические частицы вековой известковой пыли. Каждый звук: шелест подола мантии, щелчок замка саквояжа, тихое дыхание, разносился под нервюрами сводов с пугающей отчетливостью.

Вивьен опустилась на колени у основания алтарного пилона, методично осматривая швы каменной кладки. В ее руках была тонкая костяная лопаточка, которой она бережно отделяла микроскопические чешуйки высохшего раствора.

«Каждый материал имеет свою историю старения», размышляла она, занося наблюдения в рабочий блокнот. «Известь двенадцатого века отличается высокой карбонизацией и плотностью. Свежий цемент девятнадцатого века дает рыхлую структуру с высоким содержанием гидросиликатов. Убийца пользовался раствором из замковой ремонтной мастерской, что неопровержимо доказывает его доступ к хозяйственным службам университета».

Она аккуратно запечатала образец в стеклянную пробирку с притертой пробкой. Ни один довод обвинения не должен был строиться на догадках: только неопровержимый материальный субстрат истины.

Воздух собора Святой Анны в этот предрассветный час казался пропитанным не только холодом и сыростью осеннего моря, но и самим дыханием вечности. Вековые гранитные плиты хранили в себе отзвуки сотен поколений студентов, преподавателей и основателей вольного университета, искавших здесь прибежища от житейских бурь.

Вивьен стояла перед алтарем в благоговейной тишине, бережно упаковывая последние образцы реактивов. Ее сердце билось ровно и спокойно: первое потрясение от увиденного уступило место несокрушимой профессиональной уверенности. Она знала: каждый след, оставленный преступником, станет ступенью к торжеству высшей справедливости.

За высокими витражами пропели первые утренние колокола, возвещая начало нового дня: дня, когда тайны, скрывавшиеся во тьме столетий, начнут выходить на яркий солнечный свет истины.

Утренний звон соборного колокола Сен-Верна возвещал пробуждение древнего университета. Капли холодного дождя медленно стекали по свинцовым переплетам стрельчатых окон, отбрасывая причудливые дрожащие тени на потемневшие от времени дубовые скамьи нефа. Вивьен стояла неподвижно, ощущая, как утренняя прохлада наполняет пространство храма кристальной чистотой. Ее профессиональный блокнот хранил первые неопровержимые факты, способные сокрушить вековой заговор попечителей. Она знала: впереди долгий путь, полный смертельных опасностей и коварных интриг, но отступать назад она не собиралась ни при каких обстоятельствах.

Глава 2. Наследник черных башен

Дождь за стенами собора усилился, превратившись в сплошную стену ревущей воды. Свинцовые переплеты витражей мелко дрожали от порывов штормового ветра, и разноцветные тени святых мучеников скользили по каменным плитам пола, словно призрачные участники полуночной мессы.

Вивьен стояла неподвижно, не отводя взгляда от Адриана Блэквуда. Она знала о нем все, что было доступно в открытых архивах канцелярии: круглый отличник по римскому праву, чемпион университета по фехтованию на шпагах, владелец роскошного особняка на Черных Скалах и объект тайных вздохов половины студенток кампуса. Но за этим безупречным фасадом светского льва всегда угадывалась опасная, хищная глубина.

«Вы угрожаете мне, Блэквуд?», спросила она, убирая лупу в карман пальто, но продолжая держать блокнот наготове.

«Я предлагаю вам сделку, мисс Клэр», спокойно ответил Адриан, подходя к телу профессора на расстояние двух шагов. Он опустил трость на пол, оперевшись на нее обеими руками в тонких перчатках из черной замши. «Через сорок минут сюда прибудет декан Холлоуэй в сопровождении старших попечителей. К утру они объявят, что старик Моро поскользнулся на мокрых ступенях алтаря, ударился затылком и скончался от несчастного случая. Тело кремируют до полудня, а перо и надпись на латыни исчезнут из всех отчетов».

Вивьен нахмурилась, ее аналитический ум мгновенно сопоставил факты:

«Почему попечители пойдут на фальсификацию? Моро был одним из старейших исследователей архива. Его труды по средневековой демонологии приносили университету миллионные гранты».

«Именно поэтому», Адриан наклонился над телом, кончиком серебряного клюва трости осторожно приподняв край шелковой мантии профессора. «Посмотрите на внутреннюю сторону его лацкана».

Вивьен направила луч фонаря.

На подкладке черного шелка тускло поблескивал маленький серебряный значок: расправивший крылья ворон, сжимающий в когтях сломанный циркуль. Знак закрытого ордена «Ночных Птиц», тайного общества основателей университета, считавшегося распущенным еще в конце девятнадцатого века.

«Профессор Моро не просто исследовал тайные культы», голос Адриана стал глухим и жестким. «Он был хранителем архива Ордена. И три дня назад он пришел ко мне с предупреждением: кто-то из высшего руководства колледжа возобновил ритуалы Черной Жатвы. Он собирался передать мне доказательства сегодня ночью. Но, как видите, его опередили».

Вивьен посмотрела в глаза молодого аристократа. В их глубине не было фальши. Там горела та же самая холодная, беспощадная ярость исследователя, столкнувшегося с чудовищным преступлением, которая жила и в ее собственном сердце.

«Вы хотите, чтобы я помогла вам вскрыть тайный архив Моро до того, как его опечатает ректорат?», прямо спросила она.

Адриан выпрямился, и на его лице впервые промелькнула тень искренней, обезоруживающей улыбки:

«Мне говорили, что дочь доктора Клэра соображает быстрее целой коллегии адвокатов. Вы не разочаровали меня, Вивьен. Мы начинаем расследование прямо сейчас».

Адриан Блэквуд подошел к стрельчатому окну северного придела, вглядываясь в серую пелену шторма над океаном. Его профиль в полумраке казался высеченным из того же порфира, что и надгробия древних рыцарей.

Вивьен наблюдала за ним из-за аналоя, отмечая каждую деталь его поведения. Ее профессиональная привычка анализировать мимику и пластику собеседника подсказывала: этот молодой человек испытывал глубокую, с трудом сдерживаемую боль.

«Вы не производите впечатления человека, испуганного появлением стражи, мисс Клэр», произнес Адриан, не оборачиваясь. «Обычно практиканты при виде мертвого профессора падают в обморок или спешат донести наставникам о случившемся, чтобы снять с себя подозрения».

«Обмороки не помогают установлению времени наступления смерти, лорд Блэквуд», ровно отозвалась Вивьен, не прерывая заполнения каталожной описи. «А доносы в университете редко приводят к торжеству справедливости. Мой отец учил меня: если хочешь узнать правду, начни с химического анализа остатков на дне кубка, а не с опроса перепуганных свидетелей».

Адриан повернул голову. В его взгляде мелькнул искренний интерес. «Ваш отец был мудрым человеком. В стенах Блэквуда свидетели обычно говорят то, за что им заплатили члены попечительского совета».

История рода Блэквудов была неразрывно вплетена в каждый камень университетского замка. Основанный в двенадцатом веке норманнским рыцарем Гуго де Блэквудом, этот оплот на скалах изначально служил сторожевой крепостью, защищавшей побережье от набегов с моря. Лишь два столетия спустя цитадель превратилась в вольный университет, получив королевскую хартию о научной автономии.

Черный ворон на фамильном гербе символизировал вечную память, неусыпную бдительность и знание, скрытое от праздных глаз. Но с веками древний девиз оброс зловещими легендами.

В студенческой среде шепотом пересказывали истории о «Вороньем Клубе»: тайном совете двенадцати избранных выпускников, которые определяли внутреннюю политику университета и хранили тайны, способные пошатнуть королевский трон.

Вивьен всегда считала эти рассказы романтическими выдумками скучающих отпрысков богатых фамилий. Однако перо в руке мертвого профессора и печать на плаще Адриана доказывали: легенды имели вполне реальную, осязаемую основу.

«Моро был не просто моим куратором», Адриан сделал шаг к алтарю, и его голос зазвучал тише. «После гибели моей младшей сестры Элеоноры три года назад он был единственным, кто не поверил в официальную версию о несчастном падении с утеса. Он тайно вел собственное расследование, собирая доказательства против тех, кто управлял финансовыми потоками университета».

Вивьен подняла на него глаза. В полумраке нефа маска холодного аристократа окончательно спала с лица Адриана. Перед ней стоял брат, потерявший близкого человека и окруженный врагами в собственном родовом гнезде.

«Вы думаете, его убили из-за архивов Элеоноры?» спросила она с искренним участием.

«Я не думаю, мисс Клэр. Я знаю это наверняка», ответил Адриан. «И если вы готовы применить свой аналитический талант ради поиска истины, я предоставлю вам доступ к материалам, о существовании которых не подозревает даже ректорат».

Адриан стоял неподвижно, сложив руки на груди, и смотрел на бледное лицо своего наставника. В его молчании не было театральной скорби, свойственной светским повесам, лишь глубокая, выстраданная тишина человека, привыкшего встречать удары судьбы с высоко поднятой головой.

«Он написал мне вчера вечером», негромко произнес Адриан, нарушая тишину храма. «Короткая записка, доставленная с монастырским мальчиком. Всего три слова на латыни: 'Vigila ad aram': 'Бодрствуй у алтаря'. Я должен был прийти сюда в три часа ночи, но конный

разъезд на северной дороге задержал меня из-за размытого моста. Я опоздал ровно на два часа».

Вивьен внимательно посмотрела на него, отмечая следы засохшей глины на его высоких кожаных ботфортах и свежие царапины на пряжке плаща.

«Вы ехали через северный брод?» спросила она, проверяя его слова. «Северный тракт перекрыт по распоряжению попечителей уже неделю под предлогом карантина».

«Именно поэтому я поехал через старый егерский перевал», Адриан встретил ее испытующий взгляд без малейшего колебания. «Никакие шлагбаумы Стерлинга не способны закрыть дорогу Блэквуду в его собственном родовом поместье. Можете проверить следы моей лошади у западных ворот: подковы с клеймом замковой кузницы оставляют характерный полукруглый след».

Взаимное недоверие между ними таяло с каждой минутой, уступая место холодному профессиональному расчету. Они оба понимали, что находятся в центре смертельно опасной паутины, где малейшая ошибка будет стоить жизни.

Вивьен подошла к аналою и разложила перед Адрианом свои первые криминалистические наброски. «Посмотрите на схему расположения пятен воска. Убийца не просто стоял рядом с профессором: он держал в руке документ, который Моро читал перед смертью. Частицы растопленного воска упали на плиту пола под углом тридцать градусов. Это значит, что убийца был высокого роста, не менее шести футов, и держал свечу в левой руке».

«Стерлинг левша», мгновенно отозвался Адриан, и в его глазах блеснул холодный огонь охотника. «На всех заседаниях совета он подписывает указы левой рукой, используя золотое перо с алмазным наконечником. Но одного этого мало для обвинения члена королевского парламента».

«Разумеется», спокойно согласилась Вивьен. «Нам нужны неопровержимые материальные улики: химический состав чернил, образцы бумаги и свидетельские показания тех, кто видел его покидающим собор через ризницу».

Адриан протянул ей руку в темной перчатке: «Тогда за дело, мисс Клэр. С этого момента мы действуем как единая команда».

Адриан Блэквуд вырос в суровом величии северного замка. В роду Блэквудов мальчиков с семилетнего возраста обучали искусству владения холодным оружием, верховой езде и навигации по звездам. Его отец: лорд Роберт Блэквуд, был человеком железной воли и непреклонных принципов, требовавшим от наследника абсолютного самообладания в любых обстоятельствах.

«Аристократ не имеет права на панику», повторял отец, наблюдая за фехтовальными упражнениями сына на ветреной террасе башни. «Твоя шпага должна разить быстрее мысли, а твой ум должен оставаться холодным, как ледник на вершине Черного Пика».

Но за этой безупречной маской идеального рыцаря скрывалось ранимое сердце. Гибель младшей сестры Элеоноры три года назад надломила внутренний мир Адриана. Он знал, что ее смерть не была несчастным случаем, но все его попытки добиться расследования натыкались на глухую стену круговой поруки попечителей.

И вот теперь, глядя на Вивьен Клэр: хрупкую девушку в строгом суконном платье, смело бросившую вызов могущественному Торнвуду, Адриан почувствовал, как в его душе вновь затеплилась надежда. В этой провинциальной исследовательнице была та несокрушимая внутренняя чистота, которую невозможно купить ни за какие богатства мира.

Вивьен наблюдала за тем, как Адриан осматривает карманы профессора Моро. Его движения были бережными, почти благоговейными.

«В жилетном кармане Дориана всегда лежали карманные серебряные часы с репетиром», заметил Адриан, показывая разорванную цепочку. «Их нет. Убийца забрал их не ради драго-

ценного металла: в крышке часов был спрятан миниатюрный микрофильм с фотокопией тайного соглашения попечительского фонда с лондонскими банкирами».

«Значит, убийца точно знал, что искать», подытожила Вивьен. «Он действовал расчетливо, хладнокровно и без спешки. Это исключает версию о случайном грабителе или обезумевшем сектанте. Преступник: человек образованный, принадлежащий к высшему университетскому кругу».

Адриан посмотрел на девушку долгим, проницательным взглядом: «Мисс Клэр, вы обладаете поразительным даром видеть суть вещей сквозь нагромождение деталей. Мой наставник часто говорил: великий ученый видит в капле воды всю вселенную. Вы видите в разорванной цепочке часов весь заговор попечителей».

«Я просто следую законам логики, лорд Блэквуд», сдержанно ответила она, но легкий румянец на ее щеках выдал приятное смущение.

Адриан стоял у стрельчатого портала, и лучи тусклого осеннего солнца очерчивали контуры его широких плеч. Он расстегнул тяжелую серебряную фибулу плаща в форме вороньего крыла и бережно опустил ткань на спинку дубовой скамьи.

«Моро часто повторял мне одну фразу», тихо произнес он, глядя на темные своды собора. «'Адриан, если когда-нибудь тень падет на наш род, ищи ответ не в парадных хрониках, а в расходных книгах казначейства. Золото всегда оставляет более глубокий след в истории, чем кровь и слава'».

Вивьен подняла на него внимательный взгляд: «Он знал, что его дни сочтены. Именно поэтому он оставил вам это перо. Это был не ритуальный знак, а условный сигнал тревоги, понятный только двоим».

«Да», подтвердил Адриан, и в его голосе прозвучала глухая боль утраты. «Черное перо в нашей переписке означало высшую степень угрозы. Он понял, что попечители раскрыли его план передачи документов независимому аудитору короны».

Они помолчали, разделяя общую тяжесть момента. Между ними росло то глубокое, нерушимое доверие, которое возникает между людьми, объединенными благородной целью перед лицом смертельной опасности.

Вивьен предложила Адриану провести совместную реконструкцию последних минут жизни профессора.

«Представьте, что вы: Моро», сказала она, становясь на место нападавшего. «Вы пришли сюда в два часа ночи по тайному переходу из библиотеки. В соборе темно и холодно. Вы зажигаете одну свечу у престола и достаете из саквояжа финансовые книги. В этот момент за вашей спиной открывается дверь ризницы. Что вы делаете?»

Адриан встал к алтарю, медленно повернул голову к боковому приделу и нахмурился: «Если бы это был чужак или грабитель, Моро закричал бы или бросился к главному выходу. Но он остался стоять на месте. Он знал вошедшего в лицо. Он доверял ему настолько, что позволил подойти вплотную и принять из его рук кубок с отравленным вином».

«И этим вошедшим мог быть только член ближайшего руководства университета», подвела итог Вивьен. «Человек, чей визит в два часа ночи не вызвал у старого профессора ни малейшего подозрения».

Адриан подошел к витражному окну, за которым шумел прибой. Его рука в черной перчатке легла на холодный гранит подоконника.

«Вивьен, ты должна понимать: Блэквуд: это не просто университет», тихо сказал он. «Это государство в государстве со своими законами, тайными судами и вековыми привилегиями. Королевские власти десятилетиями закрывали глаза на то, что происходит за этими стенами, в обмен на финансовую поддержку попечителей».

«Но королевская хартия не дает права на убийство», твердо парировала Вивьен. «Какими бы привилегиями ни прикрывались Стерлинги, закон об охране человеческой жизни стоит выше любых сословных статутов».

Адриан с улыбкой посмотрел на нее: «Твоя непоколебимая вера в закон восхищает меня, Вивьен. Рядом с тобой я чувствую, что мы сможем сломать эту гнилую систему».

Они вместе запечатали тело профессора в цинковый санитарный кофр, исключающий любое внешнее вмешательство до прибытия королевской комиссии.

«Я лично выставлю четверых верных рыцарей Вороньего Клуба на охрану ризницы», заверил Адриан. «Ни один человек Торнвуда не переступит этот порог».

Вивьен с благодарностью кивнула: «Теперь мы можем перейти к анализу архивных документов. Время работает против нас».

Взгляд Адриана Блэквуда, устремленный на бушующее море за окном, отражал всю глубину древней трагедии его рода. Сколько поколений его предков стояли на этих скалах, вглядываясь в штормовую даль и защищая свое родовое гнездо от врагов?

«Мы выстоим, Вивьен», тихо произнес он, не оборачиваясь. «Мой род знавал осады и шторма пострашнее нынешних интриг Стерлинга. Но на этот раз мы сражаемся не за каменные стены, а за душу нашего университета».

Вивьен подошла и встала рядом: «И в этой битве, Адриан, мы обязательно победим».

Их тени на каменном полу слились в единый силуэт. В этом безмолвном единении двух сильных душ родилось то нерушимое доверие, которое невозможно разрушить никакими интригами и угрозами.

Родословная Блэквудов восходила к первому герцогу Нормандскому Роллону. В парадном зале замка висели десятки портретов предков Адриана: суровые рыцари в латах, адмиралы королевского флота, канцлеры юстиции и основатели академий.

Адриан остановился перед портретом своей матери: леди Маргарет Блэквуд, женщины с тонкими, одухотворенными чертами лица и грустными серыми глазами.

«Она умерла от скоротечной чахотки, когда мне было всего пять лет», негромко произнес он, глядя на полотно. «Перед смертью она взяла с меня обещание всегда защищать слабых и никогда не склонять головы перед несправедливостью. Я помню тепло ее руки до сих пор».

Вивьен подошла и осторожно коснулась его плеча: «Она гордилась бы тобой сегодня, Адриан. Ты держишь свое слово рыцаря».

Они стояли перед портретом в благоговейной тишине. Адриан повернулся к девушке: «Знаешь, Вивьен, ты первая, кому я рассказал об этом. Даже сестра Элеонора редко говорила о матери: это было слишком больно для нас обоих. Но рядом с тобой эта боль превращается в силу».

Вивьен посмотрела в его глаза, полные искренней признательности: «Боль уходит, когда мы находим тех, кто разделяет с нами тяжесть пути».

Кабинет президента Вороньего Клуба в западной башне Блэквуд-холла сохранил обстановку шестнадцатого века: массивный дубовый стол на львиных лапах, резные кресла с тисненой кордовской кожей и тяжелые шерстяные шпалеры с изображениями охоты на вепря.

Адриан подошел к узкому каминному порталу, над которым висел фамильный девиз рода, вырезанный на потемневшем ясене: «Fidelitas et Robur»: «Верность и Сила».

«Этот замок выдержал три осады во время войн Алой и Белой розы», негромко произнес он, глядя на тлеющие угли очага. «Мой предок сэр Эдмунд держал оборону цитадели шесть месяцев, питаясь сухарями и дождевой водой, но не сдал ключи от библиотеки королевским комиссарам. Он знал: сокровища мысли дороже человеческих жизней. И я не уступлю этот замок кучке ростовщиков».

Вивьен посмотрела на него с глубоким уважением: «Твой предок гордился бы тобой, Адриан. Ты защищаешь то же священное знамя».

Взгляд Адриана Блэквуда, устремленный в бескрайнюю даль океана, излучал ту несокрушимую внутреннюю силу, которая передавалась в его роду из поколения в поколение. Он чувствовал за своей спиной не просто древние стены фамильного замка, а священный долг перед памятью предков и будущим всех, кто верил в чистоту университетского знамени.

Присутствие Вивьен рядом с ним наполняло его душу новым, удивительным смыслом. В этой хрупкой девушке соединились острый аналитический ум великого ученого и бесконечная нежность верного сердца.

«Мы пройдем сквозь этот шторм рука об руку, Вивьен», тихо произнес он, коснувшись ее руки. «И никакой мрак не сможет затушить наш свет».

Адриан Блэквуд смотрел на темные воды Северного моря, разбивающиеся о гранитное подножие замка. В шуме прибоя ему слышались голоса далеких предков, завещавших беречь честь рода и университета ценой собственной жизни. Присутствие Вивьен рядом вселяло в его сердце твердую уверенность: в этой битве он больше не одинок. Ее ясный ум и чистая душа стали тем маяком, который поможет рассеять сгустившийся над цитаделью мрак.

Глава 3. Протокол осмотра собора

Осмотр места преступления по всем правилам криминалистической науки занял у них двадцать минут напряженного, почти безмолвного труда.

Вивьен работала методично и хладнокровно, словно находилась в анатомическом театре своего отца, а не в темном готическом соборе под угрозой разоблачения. Она измерила расстояние от тела до ступеней алтаря, зафиксировала угол падения капель крови и собрала пинцетом несколько крошечных серых ворсинок с рукава покойного.

Адриан наблюдал за ее действиями с нескрываемым профессиональным интересом. Он не вмешивался, не давал снисходительных советов, но аккуратно страховал ее: прикрывал луч фонаря полами своего пальто, когда со стороны университетского двора скользили лучи сторожевых прожекторов, и держал наготове запасные парафиновые салфетки.

«Ворсинки принадлежат грубому неокрашенному твиду», тихо констатировала Вивьен, пряча стеклянную пробирку с уликами в карман. «Студенты Блэквуда не носят твид: наш форменный стандарт шерсть темных тонов. Твид носят только штатные хранители библиотеки и старшие лаборанты кафедры минералогии».

«Или тот, кто хотел навести подозрение на лаборантов», заметил Адриан, освещая мозаичный пол у подножия исповедальни. «Взгляните сюда, Вивьен».

Она подошла ближе. На стыке двух мраморных плит темнело круглое жирное пятно размером с пенни, от которого исходил слабый запах лампового керосина.

«Убийца стоял здесь не менее получаса, ожидая профессора», произнесла девушка, присев на корточки и коснувшись пятна кончиком пальца в резиновой перчатке. «Он держал старую масляную лампу с подтекающим клапаном. В Блэквуде такие лампы запрещены пожарной инспекцией десять лет назад. Ими пользуются только в катакомбах под Северной Башней, где нет электрической проводки».

«Катакомбы Черного Ворона», негромко произнес Адриан, и его челюсти сжались до желваков. «Туда имеют доступ только семь человек во всем университете. И трое из них входят в Попечительский Совет».

Внезапно с наружной стороны собора послышался скрип гравия под тяжелыми колесами автомобиля. В узких окнах галереи заплясали отблески фар служебного лимузина ректората.

«Они здесь», Кайден... то есть Адриан мгновенно перехватил ее за руку, увлекая за массивную дубовую драпировку ризницы. «Уходим через склеп. Быстрее!»

Осмотр придела собора занял более двух часов. Вивьен методично наносила на планшет координаты каждого обнаруженного фрагмента: от микрочастиц воскового нагара до едва заметных царапин на латунном замке ризницы.

Ее портативный набор полевого криминалиста: деревянный ящичек с латунными уголками, содержал стеклянные пипетки, флаконы с йодным реактивом, полоски лакмусовой бумаги и набор стальных пинцетов.

«Посмотрите на этот срез на алтарной скатерти», подозвала она Адриана. «Ткань рассечена очень тонким и невероятно острым лезвием. Угол наклона надреза составляет около сорока пяти градусов. Такой след оставляет хирургический скальпель или профессиональный канцелярский нож для резки плотного пергамента».

Адриан опустился рядом с ней на одно колено, внимательно вглядываясь в волокна шелка. Их плечи снова соприкоснулись, и Вивьен ощутила тонкий, благородный аромат его одеколона: кедр, можжевельник и нотка горького бергамота.

«В канцелярии попечительского совета используют именно такие ножи с клеймом золингеновской стали», подтвердил он. «Их заказывают централизованно для архива казначейства».

Свет утреннего солнца, наконец пробившийся сквозь плотную завесу туч, окрасил стрельчатые окна в мягкие золотистые тона. Витраж Святого Августина в южном трансепте вспыхнул изумрудными и кобальтовыми искрами, отбрасывая на холодные плиты пола причудливый геометрический узор.

В этом утреннем преображении собор потерял свою ночную зловещность, явив взору строгое величие классической архитектуры. Однако лучи света лишь подчеркнули трагизм разыгравшейся драмы.

На белом мраморном помосте темнели следы обуви злоумышленника, четко очерчивая маршрут его отхода в сторону подземного перехода к катакомбам.

Вивьен аккуратно перенесла образцы пыли со ступеней на клейкую бумажную ленту. «Здесь присутствует мелкая взвесь красной глины. В окрестностях замка такая глина встречается только в одном месте: в старых дренажных штольнях под заброшенным винным погребом ректората».

«Ваша наблюдательность поражает», произнес Адриан, наблюдая за тем, как ловко ее тонкие пальцы запечатывают пробирку с образцом. «Большинство людей видят лишь то, что лежит на поверхности. Вы же читаете пространство как раскрытую книгу».

«В криминалистике нет мелочей», улыбнулась Вивьен уголками губ. «Отец часто говорил: пылинка на подошве может рассказать о человеке больше, чем его родословная грамота на десяти листах пергамента».

«Ваш отец был прав», Адриан поднялся и подал ей руку, помогая подняться с каменного пола. Его хватка была бережной, но удивительно надежной. «Я благодарен судьбе за то, что именно вы оказались первой на месте трагедии, Вивьен. Без вашего протокола совет попечителей уже закрыл бы собор и уничтожил все следы».

Впервые он назвал ее по имени, и это простое обращение прозвучало теплее любого формального титула.

Кабинет криминалистической экспертизы при кафедре судебной медицины располагался в цокольном этаже северного флигеля замка. Толстые гранитные стены толщиной в два метра надежно защищали помещение от сырости и уличного шума, создавая идеальные условия для тонких химических и оптических исследований.

Вивьен зажгла три керосиновые лампы с круглыми отразителями, заливая рабочий стол ярким белым светом. На полированной дубовой столешнице выстроились стеклянные кюветы, бюретки с делениями и массивный цейсовский микроскоп в латунном корпусе.

«Здесь мы проведем полный фракционный анализ образцов, изъятых с одежды профессора», сказала она, надевая защитные очки из толстого стекла.

Адриан сел напротив, аккуратно раскладывая изъятые из собора вещественные доказательства по номерным конвертам из плотной бумаги. Его движения были точными и бережными: аристократическое воспитание давало о себе знать во всем, за что бы он ни брался.

«Вивьен, почему ты выбрала именно судебную медицину?» спросил он, наблюдая за тем, как ловко ее тонкие пальцы управляются с микропипеткой. «Для молодой девушки из благородной семьи в нашем королевстве существует множество более легких и приятных путей: живопись, музыка, светские салоны столицы».

Вивьен на секунду замерла, держа пробирку над пламенем горелки. В ее глазах промелькнула грустная, но гордая улыбка.

«Моя семья никогда не была богатой, Адриан. Мой дед был простым полковым лекарем, отец: земским врачом в шахтерском городке. Я с детства видела, как несправедлив мир к тем, у кого нет денег и громкого имени. Богатый фабрикант мог отравить сотни рабочих некачественным спиртом и откупиться от судьи взяткой, свалив вину на неосторожность самих погибших. И только беспристрастная химическая экспертиза могла сорвать с него маску респектабельности».

Она повернулась к микроскопу: «Я выбрала науку потому, что молекулы яда не берут взяток. Они не боятся титулов и не склоняются перед властью. Перед законами природы все люди абсолютно равны. И моя цель: сделать так, чтобы закон человеческий был столь же справедлив, как законы химии».

Адриан смотрел на нее с нескрываемым благоговением. В ее словах звучало то подлинное благородство духа, которого он тщетно искал среди блестящих столичных вельмож.

Лаборатория судебной экспертизы при кафедре анатомии была оборудована на высочайшем европейском уровне благодаря щедрым пожертвованиям покойного деда Адриана. Здесь стояли вытяжные шкафы с принудительной тягой, центрифуги с ножным приводом, дистилляторы из огнеупорного богемского стекла и редчайший спектроскоп для анализа окрашенных растворов.

Вивьен чувствовала себя здесь как капитан на капитанском мостике корабля. Ее уверенные, отточенные движения завораживали Адриана.

Она поместила каплю экстракта из ткани мантии Моро в кварцевую кювету спектроскопа и направила луч газокалильной лампы сквозь оптическую призму. В окуляре прибора вспыхнула радужная полоса спектра с отчетливой черной линией поглощения в желто-зеленой области.

«Характерный спектр алкалоидов группы кониина», произнесла Вивьен, не отрываясь от окуляра. «Длина волны поглощения составляет пятьсот сорок нанометров. Это абсолютное, неопровержимое физическое доказательство присутствия болиголова. Ни один адвокат в мире не сможет оспорить этот оптический факт».

Адриан записал показания длины волны в рабочий журнал: «С каждым часом наше обвинительное заключение становится все более несокрушимым. Наука превращается в самое грозное оружие правосудия».

В перерыве между анализами они выпили горячего кофе, сваренного на спиртовке прямо в лабораторной колбе. За окнами лаборатории шумел дождь, стекая прозрачными струями по толстым решетчатым стеклам.

«Вивьен», негромко спросил Адриан, держа в руках чашку с горячим напитком, «ты не боишься последствий этого расследования? Стерлинги обладают огромным состоянием и не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свою власть».

Вивьен посмотрела на него открытым, ясным взглядом: «Мой отец однажды сказал мне: страх: это естественная реакция организма на опасность, но поддаться страху: значит предать свой профессиональный долг. Если я отступлю сейчас из-за боязни потерять стипендию или навлечь гнев лордов, я больше никогда не смогу смотреть в глаза своим студентам и пациентам. Истина стоит того, чтобы за нее бороться».

Адриан молча прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони: «Рядом с тобой я чувствую себя готовым сразиться со всем миром, Вивьен».

В тишине лаборатории судебной экспертизы мерно капала вода в стеклянном дистилляторе. Вивьен сидела за рабочим столом, склонившись над журналом микроскопических исследований.

Адриан принес из подвала жаровню с раскаленными древесными углями, чтобы немного прогреть остывшую за ночь комнату. Тепло углей наполнило помещение мягким уютом, разгоняя сырость осеннего тумана.

«Позволь мне помочь тебе, Вивьен», сказал он, садясь напротив и беря чистые предметные стекла. «Мои руки привыкли к точным движениям клинка, я справлюсь с пипеткой не хуже твоих ассистентов».

Вивьен улыбнулась, передавая ему флакон с дистиллированной водой: «В фехтовании и лабораторном анализе действует один и тот же принцип: максимальная концентрация внимания и полное отсутствие суеты. Нанеси ровно две капли на центр стекла, не касаясь краев».

Адриан выполнил манипуляцию с безупречной точностью. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и тепло его кожи отозвалось в сердце Вивьен сладким, волнующим трепетом.

«Вивьен», негромко произнес Адриан, глядя на то, как она настраивает латунный винт тубуса, «почему ты никогда не носишь украшений? Все дамы университетского круга увешаны жемчугами и золотом, словно витрины ювелирных лавок».

Она подняла на него ясные карие глаза с легкой иронией: «Потому что металлы и камни в лаборатории: это реактивы и объекты анализа, а не средство для демонстрации тщеславия. Золото окисляется царской водкой, жемчуг растворяется в слабом уксусе. Единственная непреходящая ценность: это ясность мысли и чистота совести».

Адриан замер, завороженный ее словами: «Каждый раз, когда я говорю с тобой, я понимаю, насколько фальшив и пуст тот мир, в котором я провел свои юные годы. Ты открываешь передо мной совершенно иную вселенную, где царят подлинные ценности».

Вивьен смущенно опустила ресницы: «Мы открываем ее вместе, Адриан».

В лаборатории кафедры судебной медицины Вивьен провела сравнительное исследование волокон ткани, изъятых с одежды погибшего.

Под окуляром микроскопа тончайшие шерстяные нити темно-зеленого цвета предстали во всех деталях: сложное саржевое переплетение высокой плотности, характерное для английских суконных мануфактур высшего разряда.

«Этот суконный материал изготавливается исключительно в Йоркшире по специальному заказу лондонской гильдии суконщиков», комментировала она Адриану. «Цена одного ярда такой ткани превышает годовой доход обычного преподавателя. Убийца одет с королевской роскошью».

Адриан кивнул: «Стерлинг заказывает все свои костюмы исключительно в Йоркшире. Это его любимый цвет: темно-зеленый с золотым кантом».

Они провели экспресс-анализ почвы, соскобленной с каблуков обуви нападавшего.

Реакция на содержание силикатов и окислов железа подтвердила происхождение грунта: древние отложения кембрийской глины из дренажного туннеля под западным крылом замка.

«Теперь путь отхода убийцы ясен до метра», подытожила Вивьен. «Он воспользовался старым подземным водоводом, соединяющим подвал ректората с собором».

Микроскопическое исследование волокон зеленого бархата дало исчерпывающую информацию о красителе. Вивьен применила реакцию с раствором хлорного олова, вызвавшую характерное изменение окраски на ярко-малиновую.

«Краситель на основе кошенили и экстракта дубовых орешков», зафиксировала она в рабочем журнале. «Такой рецепт окрашивания используется исключительно на мануфактуре герцогов Йоркских для высшей знати королевства. Круг подозреваемых сузился до одного человека: лорда Стерлинга».

Адриан с восхищением смотрел на точные строки формул: «Твоя наука: подлинная магия справедливости, Вивьен».

Они завершили анализ образцов, когда солнце поднялось над горизонтом, заливая лабораторию ярким золотым светом. В воздухе витал аромат победы чистого знания над вековой тьмой предрассудков.

Криминалистическая спектрометрия в девятнадцатом веке делала лишь первые шаги, но в лаборатории Блэквуда уже стоял новейший спектроскоп Бунзена-Кирхгофа.

Вивьен регулировала ширину щели коллиматора, добиваясь максимальной резкости спектральных линий.

«Каждый химический элемент оставляет в спектре свой неповторимый автограф», объясняла она Адриану, уступая ему место у окуляра. «Темные линии Фраунгофера: это спектральные маркеры солей калия и натрия, содержащихся в растительном соке болиголова. Сравните этот спектр с эталонным образцом из гербария».

Адриан вгляделся в призматический спектр: «Они абсолютно идентичны. Линии совпадают с точностью до доли деления шкалы!»

«Это оптический приговор убийце», подтвердила Вивьен. «Физический закон невозможно подкупить».

Они провели за приборами еще два часа, зафиксировав спектральные характеристики на фотобумаге. Этот лабораторный протокол станет первым в истории королевства случаем применения спектроскопии в уголовном процессе.

Лабораторный стол кафедры судебной медицины к полудню превратился в настоящий форпост передовой науки. Вивьен подготовила серию реактивов для колориметрического анализа микроколичеств алкалоидов.

Она осторожно внесла каплю реактива Марки: смеси формалина с концентрированной серной кислотой, в фарфоровую чашечку с экстрактом яда. Раствор мгновенно окрасился в характерный фиолетово-вишневый цвет, плавно переходящий в стойкий кобальтово-синий оттенок.

«Специфическая реакция на третичные амины растительного происхождения», уверенно констатировала Вивьен, демонстрируя результат Адриану. «Это исключает любые минеральные яды: мышьяк, сулему, соли свинца. Это чистый экстракт болиголова пятнистого в смертельной концентрации».

Адриан записал химическую формулу реакции: «Каждая пробирка в твоих руках звучит как удар судебного молота по приговору Стерлингу».

Лабораторные столы кафедры судебной медицины озарились теплыми лучами восходящего солнца, возвещая победу точного научного знания. В рядах стеклянных пробирок и реторт отражались яркие спектральные полосы, ставшие неопровержимым приговором коварному преступнику.

Вивьен аккуратно перевязала сафьяновую папку с протоколами шелковой лентой с личной сургучной печатью. Ее труд был завершен с математической безупречностью.

Адриан с благоговением смотрел на нее: «Ты явила нам подлинное величие науки, Вивьен. Отныне закон в Блэквуде говорит твоим чистым и неподкупным голосом».

Лаборатория кафедры судебной медицины к исходу ночи наполнилась мягким теплом от чугунной печи. На стеклянных полочках в строгом порядке блестели флаконы с очищенными реактивами, подготовленными для решающих химических проб. Вивьен методично записала последние оптические константы, убеждаясь в абсолютной воспроизводимости каждого теста. Каждое полученное число приближало час неотвратимого торжества закона.

Глава 4. Подозрение под осенним дождем

Подземный ход под алтарем собора вел в старый крипторий основателей. Воздух здесь был ледяным, пахнущим вековой пылью, сырым известняком и сухими цветами, оставленными на гробницах лордов Блэквуд сотни лет назад.

Они выскользнули наружу через узкую чугунную калитку, замаскированную в зарослях колючего боярышника на северном склоне холма. Холодный ливень мгновенно обрушился на их плечи, смывая следы соборной пыли.

Вивьен тяжело перевела дыхание, убирая намокшие пряди каштановых волос со лба. Ее пальто промокло насквозь, но внутри нее бушевало такое бешеное пламя исследовательского азарта, что холода она не замечала.

Они остановились под каменным навесом старой лодочной станции на берегу бушующего моря. Волны с грохотом разбивались о черные скалы внизу, вздымая фонтаны соленой белой пены.

«Вы знали профессора Моро лучше других, Адриан», нарушила она тишину, повернувшись к молодому человеку. Дождь стекал по его резким скулам, делая лицо похожим на скульптуру из темного мрамора. «В студенческих газетах писали, что в прошлом семестре вы спорили с ним из-за темы вашей дипломной работы по средневековым судебным процессам. Почему вы не рассказали об этом в соборе?»

Адриан медленно повернул к ней голову. Его серые глаза сузились:

«Вы начинаете допрос, мисс Клэр? Вы подозреваете, что я убил своего наставника, а затем устроил вам экскурсию по месту преступления, чтобы полюбоваться вашей дедукцией?»

«Я подозреваю всех, кто имеет мотив и возможность», твердо ответила она, не отводя взгляда. «Вы были последним, кто видел его живым в девять вечера в чайной комнате клуба. У вас есть доступ в катакомбы. И символ ворона... это герб вашей семьи».

Адриан долго смотрел на нее, и на его лице не появилось ни гнева, ни обиды. Лишь бесконечная, ледяная усталость человека, привыкшего нести бремя чужих подозрений.

Он медленно расстегнул пуговицы пальто, доставая из внутреннего кармана старый серебряный медальон на тонкой цепочке. Он нажал на пружину, и крышка откинулась, открыв миниатюрный портрет молодой девушки с огромными темными глазами и печальной улыбкой.

«Это моя сестра Элеонора», тихо произнес он, и в его голосе впервые прозвучала глубокая, застарелая боль. «Три года назад ее нашли мертвой на этих самых скалах. Официальный вердикт: самоубийство на фоне экзаменационного стресса. Но в ее руке было такое же черное воронье перо, а в крови та же доза аконита. Профессор Моро пытался помочь мне докопаться до правды. Он был единственным моим союзником в этом проклятом замке. Как вы думаете, Вивьен... мог ли я убить его?»

Сердце Вивьен пропустило удар. Она посмотрела на портрет несчастной девушки, затем на Адриана, в чьих глазах читалась незаживающая рана потери. Все ее подозрения рухнули, уступив место глубокому, искреннему сочувствию.

«Простите меня», искренне прошептала она. «Я должна была спросить».

«Вы должны были спросить», кивнул он, закрывая медальон. «Хороший следователь не верит на слово даже дворянам. Но теперь мы на одной стороне. И следующая наша цель: тайный архив Моро в закрытом крыле библиотеки».

После полудня осенний дождь превратился в затяжную морось, затянутую промозглым морским туманом. Внутренний двор Блэквудского университета, вымощенный базальтовой брусчаткой, был запружен студентами, спешившими между корпусами.

Вивьен шла вдоль крытой галереи колледжа Права, держа под мышкой папку с первыми химическими пробами. Ее мысли были сосредоточены на результатах реакции осаждения:

выделенный алкалоид требовал сложной очистки, доступной лишь в лабораториях с передовым оборудованием.

Внезапно дорогу ей преградил Джулиан Стерлинг в окружении своих неизменных спутников: заносчивых отпрысков столичных банкиров.

«Смотрите-ка, наша ученая барышня снова куда-то спешит», громко произнес Джулиан, театрально преграждая путь тростью с набалдашником из слоновой кости. «Говорят, вы пытаетесь оклеветать почтенных людей университета своими бредовыми фантазиями о ядах и заговорах. Не боитесь лишиться своей крошечной стипендии, мисс Клэр?»

Вивьен даже не замедлила шага, остановившись в полуметре от наконечника трости. Ее темные глаза смотрели прямо в лицо молодого сноба с ледяным презрением.

«Единственное, чего я боюсь, мистер Стерлинг: это профессиональной некомпетентности и людей, прикрывающих свою трусость чужими фамильными гербами. Если ваш дядя действительно невиновен, ему нечего опасаться химического анализа содержимого склянки профессора Моро».

Вокруг них начала собираться толпа студентов. Шепотки пробежали по рядам: никто в Блэквуде до сих пор не осмеливался разговаривать с наследником клана Стерлингов в столь открыто дерзкой манере.

Лицо Джулиана перекосило от бешенства: «Ты забываешься, нищенка! Твое место в прачечной или в уездной больнице для нищих, а не среди будущей элиты королевства!»

В этот момент сквозь расступившуюся толпу прошел Адриан Блэквуд. Его появление мгновенно изменило атмосферу во дворе: смешки смолкли, студенты почтительно отступили назад.

Адриан подошел вплотную к Джулиану. В его осанке и взгляде сквозила такая несокрушимая мощь, что наглый юноша невольно опустил трость.

«Джулиан, ты позоришь имя своего отца», негромко, но предельно отчетливо произнес Адриан. «Мисс Клэр находится под личным покровительством капитула основателей и ведет официальное расследование по поручению ордена. Любое неуважение к ней будет расценено как прямой вызов мне лично. Ты готов ответить за свои слова с рапирой в руке?»

Джулиан побледнел, его самоуверенность мгновенно улетучилась. Он пробормотал невнятное извинение и поспешно скрылся за массивными дверями факультета.

Адриан повернулся к Вивьен и раскрыл над ней широкий зонт: «Позвольте мне сопроводить вас, Вивьен. Кажется, наши оппоненты начинают терять самообладание».

Двор Академии Искусств в обеденный час напоминал растревоженный муравейник. Студенты в синих, зеленых и бордовых суконных плащах толпились у доски объявлений, где дежурный секретарь вывешивал официальное коммюнике ректората. Текст документа был составлен в обтекаемых, лицемерных выражениях: сообщалось о «внезапном упокоении почтенного профессора Дориана Моро от преклонных лет и слабости сердца».

Вивьен проходила мимо толпы, не замедляя шага. Она слышала возбужденные шепотки за своей спиной.

«Смотрите, это та самая Клэр из архива», шептал долговязый студент юридического факультета. «Говорят, она устроила скандал самому проректору Торнвуду прямо у алтаря!»

«Безумная девчонка», вторила ему девушка в бархатном берете. «Ее вышвырнут из университета еще до конца недели. Стерлинги не прощают тех, кто ставит под сомнение авторитет их фамилии».

Вивьен лишь крепче сжала ручку своего саквояжа. Человеческая трусость и готовность пресмыкаться перед сильными мира сего вызывали у нее лишь горькую усмешку.

Когда Джулиан Стерлинг попытался преградить ей путь, Вивьен была готова к любому развитию событий. Но появление Адриана и то, с каким ледяным хладнокровием он осадил зарвавшегося барчука, произвело на нее неизгладимое впечатление.

Она шла рядом с Адрианом под широким куполом его зонта, слушая мерный стук дождевых капель по шелковой ткани.

«Ты рисковал, Адриан», негромко сказала она, когда они вышли на пустынную аллею старого парка. «Стерлинги имеют огромное влияние в попечительском совете. Джулиан не преминет пожаловаться отцу на оскорбление чести».

«Пусть жалуется», спокойно отозвался Адриан. «Честь Блэквудов не продается за подачки банкиров. Мой долг: защищать тех, кто борется за правду в этих стенах. И поверь мне, Вивьен, для меня большая честь идти рядом с тобой под этим дождем, чем сидеть на самых пышных приемах столичной знати».

Его слова согрели ее сердце лучше любого огня. Вивьен почувствовала, как между ними рушатся последние барьеры формальной сдержанности.

Противостояние в университетском дворе показало всему студенческому сообществу, что эпоха безнаказанности клана Стерлингов подошла к концу. Джулиан Стерлинг, привыкший к беспрекословному подчинению окружающих, впервые встретил силу, перед которой его богатство оказалось бессильным.

Вивьен и Адриан шли по длинной крытой аркаде, соединявшей учебные корпуса с ботаническим садом.

«Джулиан не простит этого унижения», заметила Вивьен, наблюдая за тем, как капли дождя разбиваются о каменные плиты карниза. «Он труслив, но самолюбив. Такие люди обычно мстят исподтишка, нанося удар в спину».

«Я знаю Джулиана с раннего детства», ответил Адриан. «Его отец с ранних лет внушал ему мысль о безграничном превосходстве их семьи над всеми остальными. Он не способен понять, что истинное величие человека определяется не размером его банковского счета, а благородством его поступков».

Они остановились у входа в оранжерею редких растений. Влажный теплый воздух, пахнущий папоротниками, орхидеями и прелой землей, окутал их приятным теплом после промозглого осеннего ветра.

В глубине оранжереи, за стеклянной перегородкой с предупреждающей надписью на латыни «Cave venenum»: «Опасайся яда», росли пышные кусты болиголова пятнистого с характерными трубчатыми стеблями, покрытыми темно-красными крапинками.

Вивьен внимательно осмотрела кусты через защитные очки.

«Три центральных побега срезаны совсем недавно», указала она кончиком пинцета на свежие зеленые срезы. «Сок на изломе еще не успел окислиться и потемнеть. Срез сделан садовым ножом с полукруглым лезвием».

Адриан подошел к журналу посещений оранжереи, лежавшему на деревянной конторке у входа.

«Запись за десятое октября подтверждает: лорд Томас Стерлинг лично расписался в получении сырья 'для научных опытов попечительского фонда'», прочитал он. «Петля затягивается на его шее с каждым найденным документом».

Вивьен аккуратно сфотографировала срез куста портативной фотокамерой на стеклянную пластину: «Фотографическая фиксация улик: новый метод криминалистики, который произведет переворот в судебном процессе».

После инцидента с Джулианом Стерлингом во дворе Академии Искусств отношение студентов к Вивьен начало стремительно меняться. Слухи о ее невероятных познаниях в ядах и смелости, с которой она отстаивала честь науки, облетели все четыре колледжа.

В полдень в библиотеку к ее столу подошла делегация младшекурсников медицинского факультета.

«Мисс Клэр», застенчиво произнес худенький юноша в очках с поцарапанными стеклами, «мы слышали, что вы доказали непричастность ордена Ворона к смерти Моро. Мы хотим

помочь вам в расследовании. Мы готовы дежурить в архивах, переписывать каталоги и вести наблюдение за подозрительными лицами».

Вивьен была глубоко тронута этим искренним порывом молодых сердец.

«Спасибо, друзья», тепло ответила она, пожимая руки студентам. «Ваша главная помощь сейчас: не поддаваться панике и тщательно фиксировать любые попытки изъятия документов из факультетских библиотек. Истина не боится света, и вместе мы защитим наш университет».

Адриан, наблюдавший за этой сценой из глубины галереи, подошел к Вивьен после ухода студентов.

«Ты прирожденный лидер, Вивьен. Ты вдохновляешь людей своим примером так, как не удавалось ни одному из наших почтенных профессоров».

«Люди тянутся к справедливости, Адриан», ответила она, убирая бумаги в саквояж. «Когда они видят, что кто-то готов рисковать ради них без корысти и страха, в их сердцах просыпается собственное благородство».

Адриан взял ее под руку, когда они вышли на широкую лестницу главного корпуса: «Тогда идем вперед. Впереди нас ждет раскрытие главной тайны архива».

Разговор со студентами в ботаническом саду принес неожиданную зацепку. Молодой лаборант кафедры фармакогнозии вспомнил странный визит проректора Торнвуда за три дня до трагедии.

«Проректор лично заходил в закрытый бокс ядовитых растений», рассказывал юноша, оглядываясь по сторонам. «Он потребовал выдать ему весь запас концентрированного спиртового экстракта болиголова, сославшись на необходимость уничтожения садовых паразитов».

Вивьен аккуратно зафиксировала показания свидетеля: «Вы сохранили журнал выдачи ядовитых веществ?»

«Да, мисс Клэр! Я спрятал дубликат журнала под прессом для гербариев. Вот он!» юноша протянул ей тонкую тетрадь с личной подписью Торнвуда.

Адриан сжал руку лаборанта: «Ты совершил мужественный поступок, парень. Орден берет тебя под свою постоянную защиту».

Когда они вышли из оранжереи, осенний ветер сорвал с деревьев золотой вихрь листьев, закружив их над дорожками парка.

Адриан осторожно убрал сухой кленовый лист, запутавшийся в темных волосах Вивьен: «Ты творишь чудеса, Вивьен. За один день ты собрала больше прямых улик, чем полиция собрала бы за год».

Вивьен улыбнулась, глядя в его глаза: «Секрет прост: нужно просто любить правду больше своего спокойствия».

Прогулка по осеннему парку под шум дождя стала для них редким мгновением душевного покоя посреди бури расследования. Золотые кленовые листья устилали дорожки мягким ковром, в воздухе стоял свежий аромат мокрой земли и прелой листвы.

«Знаешь, Вивьен», тихо говорил Адриан, держа над ней широкий зонт, «я никогда не любил эту осень в замке. Она всегда казалась мне символом увядания и смерти. Но сегодня, идя рядом с тобой, я впервые вижу ее золотую красоту».

Вивьен улыбнулась, подставив ладонь под капли дождя: «Природа лишь отражает то, что живет в наших сердцах, Адриан. Когда в душе горит любовь и надежда, даже самый хмурый дождь кажется благословением».

Они шли медленно, наслаждаясь каждым мгновением близости и понимая, что их судьбы отныне связаны навсегда.

Студенческое братство Блэквуда начало формировать отряды добровольной самообороны для защиты лаборатории Вивьен. Десятки молодых людей в мантиях дежурили у дверей северного флигеля, готовые отразить любое нападение наемников попечительского совета.

Вивьен вышла на крыльцо, чтобы поблагодарить защитников.

«Друзья», обратилась она к собравшимся студентам, «ваша солидарность: лучшее доказательство того, что дух свободы жив в этих стенах. Мы не отступим перед угрозами Стерлинга. Закон восторжествует!»

Громкие возгласы одобрения разнеслись по двору. Студенты подняли вверх свои книги и шпаги, салютуя молодому профессору криминалистики.

Адриан стоял рядом, любуясь тем, как уверенно и вдохновенно звучит ее голос.

«Ты преобразила этот университет, Вивьен», сказал он, когда они вернулись в кабинет. «Ты дала им цель и веру в справедливость».

Осенний парк Блэквуда в дождливую погоду казался иллюстрацией к древней саге. Вековые дубы и платаны роняли багряные и золотые листья на темные базальтовые дорожки, а над кронами деревьев возвышались серые гранитные шпили академических корпусов.

Вивьен и Адриан шли по длинной кленовой аллее, слушая шум ветра в ветвях.

«Знаешь, Вивьен», тихо сказал Адриан, беря ее за руку, «всю свою жизнь я искал человека, с которым можно было бы молчать так же легко и естественно, как говорить. Большинство светских разговоров: это пустая ярмарка тщеславия, где каждый стремится казаться умнее и богаче, чем он есть на самом деле. Но рядом с тобой каждое мгновение наполнено подлинным смыслом».

Она сжала его пальцы своей теплой ладонью: «Истинное взаимопонимание рождается там, где сердца бьются в унисон ради благородной цели, Адриан».

Золотая листва университетского парка мягко шуршала под ногами, овеваемая свежим морским бризом. Дождь окончательно утих, оставив на лепестках осенних цветов чистые хрустальные капли, сверкающие под первыми лучами солнца.

Вивьен и Адриан шли по длинной кленовой аллее, разделяя тихое счастье взаимного доверия.

«Каждый день рядом с тобой, Адриан, открывает для меня новую глубину жизни», тихо говорила она, улыбаясь утреннему небу. «Вместе мы вернем нашему университету его истинное благородное призвание».

Он крепко сжал ее ладонь в своей руке: «Навеки вместе, моя прекрасная Вивьен».

Студенческий городок постепенно оживал под серым осенним небом. Молодые люди в темных суконных плащах спешили на лекции, возбужденно обсуждая утренние события. Вивьен и Адриан шли по длинной кленовой аллее, ощущая поддержку десятков сочувствующих взглядов. Искреннее стремление молодежи к справедливости было сильнее любого сословного чванства попечителей.

Глава 5. Ночной архив спецхрана

Библиотека Блэквудского университета была признана архитектурным шедевром викторианской неоготики. Ее центральный зал вздымался вверх на пять ярусов, соединенных винтовыми чугунными лестницами с ажурными перилами. Миллион томов в кожаных и сафьяновых переплетах дремали на дубовых полках, охраняемые каменными гаргульями, венчавшими карнизы.

Но истинное сердце библиотеки находилось под землей: в спецхране редких манускриптов, куда доступ разрешался исключительно по именным пропускам канцлера.

В полночь, когда стихли шаги ночного патруля, Вивьен и Адриан проскользнули в северный сектор книгохранилища. В руках Адриана был старинный латунный ключ с сложной фигурной бородкой, доставшийся ему от профессора Моро.

Тяжелая кованая решетка спецхрана отворилась с едва слышным шипением смазанных петель.

Внутри пахло высушенной лавандой, старым пергаментом, сургучом и горьким миндалем: тем самым запахом, который преследовал их в соборе.

Вивьен включила фонарик, оглядывая помещение. Здесь не было привычных полок; вдоль стен стояли массивные сейфы из вороненой стали и стеклянные витрины с древними манускриптами. В центре зала возвышался рабочий стол профессора Моро, заваленный рукописями на латыни и древнегреческом.

«Смотри сюда», позвал ее Адриан, указывая на раскрытый фолиант в переплете из черной телячьей кожи.

Это был рукописный журнал заседаний попечительского совета за 1888 год, год основания Блэквудского университета. Но самые интересные страницы были не напечатаны: между листами лежали свежие машинописные выписки, сделанные рукой погибшего профессора.

Вивьен вчиталась в текст, и кровь застыла в ее жилах:

«Орден Черного Ворона никогда не прекращал своего существования. Каждые семь лет в ночь Осеннего Равноденствия они приносят жертву на алтаре собора, чтобы обновить пакт крови, гарантирующий роду основателей власть над богатствами архипелага. Следующая жертва назначена на эту субботу. Избранная: студентка первого курса кафедры архивного дела Вивьен Клэр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.